

Eyforis Lurt

Сказки о дружбе и доброте

https://litres.ru/74860404
SelfPub; 2026

Аннотация

Каждая история — о том, что страх, скука и одиночество побеждаются не силой, а вниманием, любопытством и готовностью шагнуть в неизвестность по-своему.

Содержание

Тимка, облако и слёзы, которые помнят 4
Ася, планета Вежливости и слово, которое открывает двери 11
Петя, магазин «потом» и шарик, который почти погас 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Eyforis Lurt
Сказки о дружбе и доброте

Тимка, облако и слёзы, которые помнят

На окраине города, где дома становились ниже, а деревья выше, где по утрам пахло мокрой землёй и остывшим чаем, жил-был мальчик по имени Тимка. Ему было девять лет, и у него была одна особенность, которая очень мешала ему жить: он жевал рукав. Не специально, не назло, не из вредности — просто его зубы сами находили ткань, и он жевал. Левый рукав его любимой серой кофты давно превратился в мокрый, разлохмаченный комок, и мама каждый вечер говорила: «Тимка, ну сколько можно». А Тимка пожимал плечами и не знал, что сказать. Он жевал рукав, потому что в этом было что-то спокойное. Рукав был тёплый. Рукав был свой. Рукав был вместо слов, которые не получалось сказать.

А ещё Тимка боялся громких звуков. Не то чтобы панически — он не прятался под кровать, когда гремел гром. Но он вздрагивал. Каждый раз. Когда во дворе кто-то ронял ведро, когда соседская машина чихала выхлопной трубой, когда школьный звонок звенел слишком резко. Он вздрагивал

и сжимался, как будто хотел стать меньше. Он сам не понимал, почему так. Просто звук входил в него, как иголка, и ему становилось не по себе.

Жил Тимка с мамой и папой, а ещё с дедом Феликсом — маминым отцом. Дед Феликс был старик высокий, сутулый, с руками в пятнах от машинного масла и с глазами цвета перегретой микросхемы. Это не метафора — у него действительно были такие глаза: серо-голубые, с искоркой, с каким-то внутренним свечением, как у старого телевизора, который ещё показывает, но уже греется. Дед Феликс был изобретателем. Настоящим. Из тех, кто разбирает будильник, чтобы понять, как он тикает, а потом собирает из его деталей маленького робота, который тикает, но уже по-своему. Он жил в маленькой комнате на первом этаже, заваленной чертежами, проводами, шестерёнками и чашками с остывшим чаем. Тимка обожал его больше всех на свете. Дед Феликс был единственным человеком, который никогда не говорил Тимке «перестань жевать рукав». Он говорил: «Жуй. Если помогает — жуй. Но если не помогает — скажи».

И вот однажды, в субботу утром, когда вся семья сидела за столом и ела завтрак — сырники со сметаной, — дед Феликс встал из-за стола, подошёл к Тимке, взял его за руку и сказал:

— Тимка. Пойдём.

— Куда? — не понял Тимка, с рукавом во рту.

— На небо, — сказал дед Феликс.

Мама сказала: «Папа, он не позавтракал». Папа сказал:

«Феликс Андреевич, может, сначала...». Но дед Феликс уже тащил Тимку за руку. Он умел быть очень убедительным, когда хотел.

Они вышли во двор. Над городом висело облако. Одно-единственное облако, хотя небо было чистым. Оно было большое, пушистое, белое — и оно висело прямо над их домом. Не плыло, не менялось, не таяло. Просто висело и смотрело.

— Видишь? — сказал дед Феликс, задирая голову. — Оно висит здесь уже три дня. Я наблюдаю. Оно забыло, как идти дождём. Понимаешь? Облака — они должны идти дождём. Это их работа. А это забыло. Оно просто висит и смотрит на всех. Это ненормально.

Тимка посмотрел на облако. Облако посмотрело на Тимку. Тимке показалось, что оно грустное.

— А мы что сделаем? — спросил он.

— Мы поднимемся, — сказал дед Феликс. — И напомним ему.

Он подвёл Тимку к сараю. У сарая стояла лестница. Не простая — из старых клавиш от пианино. Дед Феликс собрал её за ночь. Клавиши были белые и чёрные, скреплённые между собой проволокой и железными прутьями. Лестница уходила вверх, прямо в облако.

— Ты это сделал? — спросил Тимка.

— За ночь, — сказал дед Феликс с гордостью. — Клавиши я нашёл на свалке. Пианино было старое, но клавиши креп-

кие. Пошли.

Тимка не боялся высоты. Он боялся громких звуков, но не высоты. Он полез первым. Клавиши были скользкие, но удобные. Под ногами у него белые и чёрные полосы, как будто он шёл по гигантской клавиатуре. Дед Феликс лез следом, пыхтел и ворчал: «Вот в моё время клавиши были крепче».

Они лезли долго. Город внизу становился всё меньше. Дома были как спичечные коробки. Люди — как точки. Потом город исчез. Вокруг было только небо — синее, глубокое, и облако — большое, белое, пушистое. Они вошли в него, как в вату. Сначала было прохладно. Потом — мягко. Потом — странно. Внутри облако было не пустым. Внутри у него тикали часы. Много часов. Они висели на облачных полках, стояли на облачных столах, лежали на облачном полу. Большие и маленькие, круглые и квадратные, с маятниками и без. И все они показывали разное время. На одних было утро. На других — полночь. На третьих — вообще что-то непонятное, каких-то пять часов сорок семь минут, которых не бывает.

А в центре облака висело что-то большое, тёмное, похожее на старое радио. Оно загудело, зашуршало, и вдруг сказало голосом старого радиоприёмника — скрипучим, тёплым, с помехами:

— А-а-а. Гости. Давно ко мне никто не поднимался. С тех пор, как я забыло, когда мне плакать.

Тимка вздрогнул. Голос был громкий и неожиданный, и это был тот самый звук, которого он боялся. Но он не убежал.

Он стоял и смотрел. Дед Феликс положил ему руку на плечо.

— Ты облако? — спросил Тимка.

— Облако, — сказало радио. — Я вишу здесь три дня. Я смотрю на город. Я вижу, как люди ходят. Как они смеются. Как они плачут. Но я не помню, когда мне плакать. Я забыло. Часы у меня есть — вон сколько. А времени нет. Время — оно же не в часах. Время — оно в тебе. А у меня внутри пусто. Поэтому я просто смотрю.

Тимка сел на облачную полку. Он вдруг перестал жевать рукав. Рукав выпал у него изо рта. Он сидел и думал. Он думал о том, что облако грустное. Оно грустное, потому что не может плакать. А он, Тимка, иногда очень хочет плакать. Но не разрешает себе. Потому что мальчики не плачут. Потому что это громко. Потому что это страшно.

— А можно я поплачу за тебя? — сказал Тимка. — Я умею. Мне иногда очень хочется, но я не разрешаю себе. А сегодня разрешу.

Облако затихло. Часы на полках замерли. Дед Феликс стоял в стороне и грыз ноготь.

И Тимка заплакал. Не от страха. Не от боли. Просто так. Он сидел на облачной полке, свесив ноги, и плакал. Слёзы катились по щекам, крупные, тёплые, и падали на облако. И облако — оно вдруг вздрогнуло. Как будто что-то вспомнило. Сначала тихо. Потом сильнее. Потом из него вырвался звук — не громкий, не страшный, а какой-то глубокий, как вздох. И облако заплакало вместе с Тимкой.

Дождь пошёл над городом. Тёплый, крупный, совершенно необходимый. Люди на улицах поднимали головы и улыбались. Дети выбегали из домов и прыгали по лужам. Собаки лаяли и виляли хвостами. Деревья пили воду. А облако плакало и плакало, и ему было легко. Оно вспомнило. Оно вспомнило, как это — быть облаком. Как это — идти дождём.

Тимка перестал плакать. Он вытер лицо рукавом — тем самым, который жевал. Рукав был мокрый. Но теперь он был мокрый от слёз, а не от слюней. Это было другое.

— Ну вот, — сказало облако. Голос у него был уже не скрипучий. Он был мягкий, как вата. — Спасибо. Я вспомнило. Теперь я пойду. Мне пора. У меня много дел. Нужно полить сады внизу. И речку. И ещё одно облако, которое забыло, как быть облаком.

— Иди, — сказал Тимка.

Облако поплыло. Оно выплыло из-под них, и они остались стоять на лестнице из клавиш — высоко-высоко, над городом, под чистым небом.

Дед Феликс стоял в стороне. Он грыз ноготь. Он делал вид, что ему всё равно. Но когда они спустились вниз, когда прошли через двор, когда вошли в дом и сели за стол, он сказал:

— Тимка.

— Что?

— Ты сегодня сделал больше, чем я за сорок лет. — Он

помолчал. — Не говори никому. У меня репутация.

Тимка засмеялся. Дед Феликс засмеялся тоже. Они сидели на кухне и пили чай с сырниками, которые мама разогрела. За окном шёл дождь. Тёплый, нужный, настоящий.

С тех пор прошло много времени. Тимка вырос. Он больше не жуёт рукав — почти. И он больше не боится громких звуков — почти. Но иногда, когда идёт дождь, он выходит на балкон и смотрит вверх. И если он видит облако, которое висит слишком долго и смотрит на всех, он говорит ему: «Эй. Ты чего? Хочешь, я поплачу?» И облако — оно всегда соглашается. И они плачут вместе. И это хорошо.

А дед Феликс — он всё ещё изобретает. Он собрал вторую лестницу, из старых пуговиц. Она ведёт к звёздам. Он говорит, что звёзды тоже иногда забывают, как светить. И им тоже надо напоминать. Тимка ходит с ним. Они вместе поднимаются по пуговицам и говорят звёздам: «Эй. Вы чего? Светите. Мы вас видим». И звёзды светят. И это тоже хорошо.

Ася, планета Вежливости и слово, которое открывает двери

В городе, где улицы назывались Цветочными, а качели во дворах скрипели так, что их было слышно на три квартала, жила-была девочка по имени Ася. Ей было восемь лет, и у неё была одна особенность, которая очень мешала ей жить: она не любила слово «нет». Не то чтобы не понимала его — понимала прекрасно. Но само слово казалось ей грубым. Колючим. Как будто кто-то берёт и захлопывает дверь прямо перед твоим носом. Ася была девочкой мягкой, улыбчивой, с двумя косичками и с привычкой соглашаться на всё, что ей предлагали. «Ася, пойдёшь гулять?» — «Да». «Ася, будешь суп?» — «Да». «Ася, можно я возьму твою куклу?» — «Да». Она соглашалась так часто, что иногда даже не понимала, чего именно согласилась. Просто «да» было легче. «Да» было вежливее. «Да» никого не обижало.

И вот однажды, в воскресенье, к ним в гости приехал двоюродный дед Борис. Это был человек с бородой цвета ржавчины, в огромном клетчатом пиджаке, у которого было не два кармана, а восемь, и все они были полны странных камней. Камни были разные: гладкие и шершавые, тёмные и светлые, с блёстками и без. Дед Борис был геологом — он изучал камни. Но не простые, а такие, которые встречаются

только в очень странных местах. Он объездил полмира, побывал в пустынях, на вулканах, на дне пересохших морей. И всегда привозил оттуда камни. Он говорил, что каждый камень — это история. Просто её надо уметь услышать.

Дед Борис был единственным взрослым, который никогда не говорил Асе «перестань соглашаться». Он говорил: «Соглашайся. Если тебе так легче — соглашайся. Но иногда полезно сказать нет. Хотя бы для разнообразия».

В этот раз он приехал с рюкзаком, в котором что-то гудело. Он поставил рюкзак на стол, расстегнул молнию, и из него вылез... прибор. Похожий на старый фонарь, только с антенной и с крошечным экраном.

— Ася, — сказал дед Борис, и его глаза — серые, с искоркой — заблестели. — Я нашёл планету Вежливости. Настоящую. Хочешь полететь?

Ася посмотрела на прибор. Потом на деда Бориса. Потом снова на прибор.

— А это далеко? — спросила она.

— Далеко, — сказал дед Борис. — Но это неважно. Важно, что там все говорят только «да». Всегда. Никто никогда не говорит «нет». Представляешь? Целый мир, где никто никому не отказывает.

Ася задумалась. Мир, где никто не говорит «нет». Мир, где никто не хлопает дверью перед носом. Мир, где все улыбаются и соглашаются. Это было похоже на мечту.

— Да, — сказала она. — Хочу.

Дед Борис улыбнулся. Он нажал на кнопку на приборе. Прибор загудел. Антенна завертелась. В воздухе открылось что-то вроде круглого окна — как в сказке, только с помехами, как у старого телевизора. За окном было небо — не наше, а какое-то розовое, с двумя солнцами.

— Пошли, — сказал дед Борис и шагнул в окно.

Ася шагнула следом.

Планета Вежливости была прекрасна. Это было первое, что Ася подумала. Дома там были сделаны из мягкого печенья — с глазурью, с посыпкой, с окошками из мармелада. Реки текли компотом — яблочным, вишнёвым, абрикосовым. Деревья были из карамели, а листья на них — из сахарной ваты. Пахло ванилью и корицей. А жители — они были маленькие, пухлые, с улыбками до ушей — вышли навстречу и замахали руками.

— Здравствуйте! — сказали они. — Хотите конфету?

— Да, — сказала Ася.

Ей дали конфету. Она была вкусная — медово-мятная.

— Хотите прыгнуть с крыши? — спросил второй житель.

Ася посмотрела на крышу. Крыша была высокая. Но житель улыбался так приветливо, что она сказала:

— Да.

Они помогли ей забраться на крышу. Она прыгнула — и приземлилась на мягкое печенье. Это было весело. Она засмеялась. Жители засмеялись тоже.

— Хотите, мы вас свяжем и оставим здесь на неделю? —

спросил третий житель, с бантиком на макушке.

Ася замялась. Но житель улыбался. Все улыбались. И она сказала:

— Да.

Они аккуратно связали её ленточками — не больно, не туго, просто чтобы она не могла двигаться. И оставили на лужайке из зефира. Ася лежала и смотрела в розовое небо. Ей было не очень удобно. Но она думала: «Это же вежливо. Они же предложили. Я же согласилась. Всё хорошо».

Она лежала так час. Потом два. Потом три. Жители проходили мимо, улыбались и спрашивали:

— Вам удобно?

— Да, — говорила Ася.

— Хотите, мы вас развяжем?

— Да, — говорила Ася.

Но они не развязывали. Они просто улыбались и шли дальше. Потому что они тоже говорили только «да». А «да» — это не действие. Это просто слово. Оно не развязывает ленточки. Оно не меняет ничего. Оно просто звучит.

Дед Борис сидел неподалёку на камне. Он грыз свой странный камень — серый, с блёстками — и молчал. Он ничего не говорил. Он просто сидел и смотрел.

Ася начала понимать, что что-то не так. Но она не знала, что именно. Всё было вежливо. Всё было «да». Но ей было неудобно. И никто не развязывал ленточки. И никто не спрашивал, хочет ли она есть. И никто не спрашивал, хочет ли

она домой.

А потом к ней подошёл житель с большим камнем в руках. Камень был тяжёлый, серый, с острыми краями.

— Хочешь съесть камень? — спросил житель и улыбнулся.

Ася посмотрела на камень. Потом на жителя. Потом снова на камень. И вдруг — впервые в жизни — она почувствовала, что не может сказать «да». Не потому, что было невежливо. А потому, что это было неправильно. Камень — это не конфета. Камень — это камень. Его не едят. Его нельзя есть. И она сказала:

— Нет.

Слово вырвалось само. Громко. Чётко. Как будто внутри неё что-то щёлкнуло.

Все вокруг замерли. Жители остановились. Улыбки на их лицах дрогнули. Птицы перестали петь. Река компота замерла. Даже два солнца, казалось, на секунду застыли в небе.

— Что? — переспросил житель с камнем. — Что ты сказала?

— Нет, — повторила Ася. — Я не хочу есть камень. Я не хочу лежать связанной. Я хочу домой. И я больше не буду говорить «да», если я не хочу.

Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то вдалеке капает компот.

И вдруг дед Борис поднял бровь. Он перестал грызть камень. Он встал с камня, отряхнул пиджак и сказал:

— Наконец-то.

Ася обернулась.

— Что? — не поняла она.

— Я ждал, когда ты это скажешь, — сказал дед Борис. — А то мы бы так и сидели здесь до пенсии. Потому что я, видишь ли, не могу говорить «нет» в гостях. Воспитание. Меня так учили: в гостях не спорят. В гостях соглашаются. Вот я и соглашался. А ты — ты сказала. Молодец.

Он подошёл и развязал ленточки. Ася села. Она тёрла запястья и смотрела на жителей. Жители стояли и молчали. Их улыбки погасли. Они выглядели растерянными.

— Они не злые, — сказал дед Борис. — Они просто забыли. Они так давно говорят только «да», что уже не помнят, что бывает «нет». А без «нет» — какая же это жизнь? Это не жизнь. Это печенье. Сладко, но не наешься.

Ася посмотрела на жителей. Потом на деда Бориса. Потом снова на жителей.

— А можно им объяснить? — спросила она.

— Попробуй, — сказал дед Борис.

Ася встала. Она подошла к жителю с камнем. Он всё ещё держал камень в руках.

— Смотри, — сказала Ася. — «Нет» — это не грубость. Это дверь. Когда ты говоришь «нет», ты открываешь дверь. Ты показываешь, где ты. Где твои границы. Что тебе можно, а что нельзя. Если все говорят только «да», никто не знает, где он. Все просто стоят и улыбаются. А это не жизнь. Это...

это как если бы у тебя была дверь, а ты её никогда не открывал.

Житель с камнем посмотрел на неё. Потом на камень. Потом снова на неё.

— А как это — «нет»? — спросил он.

— Попробуй, — сказала Ася. — Скажи мне «нет».

Житель замялся. Он открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Н-н-нет, — сказал он неуверенно.

И вдруг — дверь открылась. Не в прямом смысле, конечно. Но что-то в воздухе изменилось. Как будто стало легче дышать. Жители зашевелились. Они начали переглядываться. Кто-то сказал: «Нет, я не хочу конфету». Кто-то сказал: «Нет, я не хочу прыгать с крыши». Кто-то сказал: «Нет, я не хочу связывать гостей». И с каждым «нет» они становились всё больше похожи на настоящих — на людей, у которых есть желания, есть границы, есть своя жизнь.

— Ну вот, — сказал дед Борис. — Дверь открыта. Можно идти.

Они вернулись домой через то же круглое окно. Прибор загудел, антенна завертелась, и они шагнули обратно — в комнату с жёлтыми обоями и чашкой чая на столе.

Ася села на диван. Она была усталая. Но счастливая.

— Дед Борис, — сказала она. — А почему ты сам не сказал «нет»? Ты же взрослый.

— Взрослые тоже боятся, — сказал дед Борис. — Особенно в гостях. Но ты — ты не побоялась. Ты открыла дверь. Для

целой планеты. Это, Ася, большое дело. Я горжусь тобой.

Ася улыбнулась. Она больше не боялась слова «нет». Оно было не грубое. Оно было нужное. Оно было как дверь — иногда её надо открыть, чтобы впустить свежий воздух.

С тех пор прошло много времени. Ася выросла. Она больше не соглашается на всё подряд. Иногда она говорит «нет» — и это не грубость. Это дверь. А на планете Вежливости — там теперь всё по-другому. Жители научились говорить «нет». И оказалось, что с «нет» жить интереснее. Потому что когда ты можешь отказаться, ты можешь и согласиться по-настоящему. А это уже не просто печенье. Это жизнь.

А дед Борис — он всё ещё ездит по странным местам и привозит оттуда камни. Он говорит, что каждый камень — это история. И в каждом камне есть своё «нет». Просто его надо уметь услышать.

Петя, магазин «потом» и шарик, который почти погас

На улице Тихой, в доме с зелёным забором и яблоней во дворе, жил-был мальчик по имени Петя. Ему было десять лет, и у него была одна проблема, которая очень мешала ему жить: он всё откладывал на потом. Уроки — потом. Уборку — потом. Помыть посуду — потом. Позвонить бабушке — потом. Извиниться перед сестрой — потом. «Потом» было его любимым словом. Оно было мягкое, удобное, как старый диван. На него можно было сесть и ничего не делать. Петя садился на «потом» и сидел. А дела копились. Они лежали на его столе, на его полке, на его совести. И чем больше их становилось, тем труднее было к ним подступиться. Петя смотрел на них и думал: «Потом». И шёл играть в телефоне.

Мама говорила: «Петя, ну сколько можно». Папа говорил: «Петя, это несерьёзно». Сестра Маша говорила: «Петя, ты обещал». А Петя пожимал плечами и говорил: «Потом». И все вздыхали. Потому что «потом» — это было не «нет». Это было хуже. Потому что «нет» — это честно. А «потом» — это как будто ты согласился, но не сделал. Как будто ты обманул. Только не специально. Просто потому, что «потом» никогда не наступает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.